

Впрочем, можно утверждать, что концептуальная база для выхода на новый уровень понимания, формулирования и поиска целостного разностороннего и всеобъемлющего подхода к рассмотрению конкретных коллекций как системы связей и опосредований — «культура собирателя» — «собиратель» — «предметы сборов» — «среда/культура среды собирательской деятельности» — в принципе созрела.

Коллекции Лео Фробениуса в африканских фондах МАЭ

Применительно к характеристике культуры Западного Судана да и в целом для показательности значимости всех африканских фондов МАЭ коллекция Л. Фробениуса представляет особый интерес, хотя и таит немалые сложности для исследования. Прежде всего необходимо отметить, что в МАЭ фактически две подборки предметов, происходящих из сборов Л. Фробениуса в Западном Судане в начале первого десятилетия XX в. Одна из них — коллекция № 1688 — относительно хорошо известна, ее предметы включаются в постоянные и временные выставки МАЭ, а предметы их этой коллекции регулярно фигурируют в различных престижных изданиях, отражающих собрание МАЭ. В отличие от этой коллекции, известной в первую очередь наличием в ней предметов высокой художественной ценности (№ 1688-1–13 и др.), фактически уникальных в МАЭ до привозов Д.А. Ольдерогге, коллекция № 1696 либо вообще не упоминалась, либо о ней говорилось с оттенком скепсиса и пренебрежения.

Я вынужден ограничиться лишь самым общим упоминанием о ней и подробнее остановиться лишь на коллекции № 1688, которую достаточно хорошо изучил в процессе составления подробной описи на базе рабочей музейной описи, составленной Д.А. Ольдерогге. Как это ни странно, но он сам нечасто упоминал коллекцию № 1696, и она остается по существу необработанной в фондах МАЭ вот уже сто лет с момента своего поступления в 1910 г. Причем первичной обработкой коллекции при ее оформлении в фонды МАЭ занимался тот же Д.А. Ольдерогге. В его описи указано, что коллекция № 1696 происходит из экспедиционных сборов Л. Фробениуса в Западном Судане в 1908 г. В ее состав входят по преимуществу предметы археологического характера: каменные орудия, среди которых наиболее многочисленными оказываются топоры. Их отнесение к категории «неолитических» возможно только по типологическому соответствию европейской археологической классификации каменных орудий.

Частично эти предметы шлифованные. Но поскольку они представляют, скорее всего, «подъемный материал», разговора о датировках и быть не может. Тем более что археология Западного Судана и кромки Гвинейской зоны находится до сих пор в зачаточном состоянии.

Я могу позволить себе подобные предварительные замечания по поводу этой по-своему весьма интересной, поучительной и незаслуженно забытой коллекции, потому что мне самому несколько раз довелось принимать участие в археологической разведке в Мали [Arseniev 1980: 72–73; 2004: 18–64]. Кроме того, в самом Бамако и его окрестностях мне попался подъемный материал и в виде осколков керамики, отличающейся от ныне распространенного среди населения типа, и каменные орудия. Так, в 1981 г. в окрестностях Куликоро я обнаружил на плоских отрогах скал вдоль течения Нигера округлое каменное орудие со сквозным отверстием, вероятно, аналогичное № 1696-191, именуемому в описи «неправильным каменным диском, продырявленным в серединке». Этот предмет, имевший диаметр около 10 см, я передал директору Института гуманитарных наук Мали Клене Саного. Другой предмет — каменный топор, обнаруженный в районе Сотюба, в окрестностях Бамако, — я передал в МАЭ (№ 6855-81). Он фигурирует в данном издании как аналог традиционных железных топоров «джеле», бытующих у населения по настоящее время. Имеются и другие неолитические по формальным признакам орудия, включенные во вторичный оборот культуры и представляющие некоторые аналогии материалам коллекции № 1696. Это собранные мною амулеты догонов, хранящиеся ныне в МАЭ (№ 6796-80, 81).

Коллекция № 1696 требует очень серьезной обработки. Но на данный момент у нас нет специалистов, способных грамотно с археологической точки зрения и вполне компетентно с позиции региональной исторической этнографии документировать эти предметы. Можно сказать только, что сборы Л. Фробениусом предметов этой коллекции происходили как в бассейне Нигера, так и в лесной Гвинее. Для задач данного издания особый интерес представляют топоры № 1696-135–139 из «Kankaba» (Кангаба?), № 1696-140–144 и № 1669-182–184 из Бамако, № 1696-185–187 из Нарена, № 1696-168–171 из Бугуни. В любом случае коллекция № 1696 должна составлять единое целое с коллекцией № 1688, а передача ее из отдела Африки в отдел археологии МАЭ нарушала бы принцип целостности этого важного и по-своему уникального источника. Хотя, конечно, зрелищно она менее интересна, а с исследовательской точки зрения крайне сложна для осмысления.

В коллекции № 1688 насчитывается 175 коллекционных номеров. Для авторской единовременной и локальной, а также культурно (этнически) специализированной подборки вещей это уже немало. В коллекции же № 1696 192 номера. Итого получается около 400 предметов, что совсем немало. Впрочем, следует оговориться, что в случае с коллекцией № 1688, как, видимо, и № 1696, речь идет о вторичной выборке, совершенной уже в музейных условиях Гамбурга и, вполне возможно, без непосредственного участия самого Л. Фробениуса. Но в любом случае и эта вторичная выборка предполагала (на условиях взаимности с русской стороной) подбор компактного, целостного, разностороннего свода предметов из числа обильных, насчитывающих около десяти тысяч предметов сборов Л. Фробениуса: дублетов, аналогов — вещей, утрата которых не нарушала бы целостность хранимого в Гамбурге собрания. В данном случае «целостность» остающихся в Германии экспонатов предполагалась как вполне репрезентативный их свод для исследовательских и экспозиционных задач. Но и предназначенная для Санкт-Петербурга коллекция также должна была представлять подобие этой «целостности» — только в уменьшенном варианте.

Можно смело утверждать, что петербургская коллекция № 1688 подобрана со знанием дела и может служить даже в отрыве от гамбургского собрания замечательным по разнообразию источником для комплексного представления о «материальной культуре» мандингов начала XX в., а также для суждения об основных эстетических принципах и мировоззренческих формах значимой группы близких этносов Западного Судана.

Особую ценность коллекция МАЭ № 1688 приобретает в национальном масштабе, благодаря тому, что музей располагает обширным сравнительным материалом по профилю коллекции Л. Фробениуса — культуре мандингов (бамбара, малинке, сонинке), а также близкородственных и взаимодействующих с мандингами этносов (бозо, догоны, фульбе, сенуфо и др.). Такого материала, совокупного для данного региона и системы культурного взаимодействия, в МАЭ насчитывается около 1,5 тысяч предметов. Для изучения и показа в выставочных и экспозиционных условиях свидетельств различных аспектов тематики культур/народов Западного Судана коллекция № 1688 может выступать в качестве ядра, базы.

Лео Фробениус (1878—1938), крупнейший представитель культурно-исторической школы в этнографической науке, фактически был создателем африканистической традиции в этнографии и фольклори-

стике. Начиная с 1904 г. он совершил 12 экспедиций в Африку и собрал колоссальный материал по этнографии народов континента. Все основные работы Л. Фробениуса были опубликованы на немецком языке, а затем переведены на другие европейские языки. Они оказали огромное влияние на развитие африканистики в первой половине XX в.

В 1907–1909 гг. Л. Фробениус совершил несколько путешествий по Западному Судану. Их результатом явился не только обширный этнографический материал, но и целая концепция истории африканской культуры. Несмотря на выраженную тенденциозность его взглядов на теорию культуры, Л. Фробениус смог собрать исключительно ценные коллекции, которые выступают как вполне комплексные, отражая различные тесно связанные стороны жизни народов Африки. Известно, что помимо сбора этнографических коллекций Л. Фробениус занимался и археологическими изысканиями.

Для отечественной африканистики, ее концептуальной основы, для методики музейного дела в ней немаловажное значение имеет то обстоятельство, что в Германии конца 1920-х годов в созданных Л. Фробениусом музейных структурах около года стажировался Д.А. Ольдерогге. И хотя прямой встречи у них не было из-за пребывания Л. Фробениуса в экспедиции в Африке, Д.А. Ольдерогге имел возможность работать с собранными им коллекциями, а также обращаться к архиву самого Л. Фробениуса. Полученные тогда Д.А. Ольдерогге знания, навыки, впечатления наложили отпечаток на профессиональный путь признанного главы отечественной традиции изучения Африки, на его формирование как знатока музейной составляющей этого раздела науки. Ему же принадлежит и заслуга начального научного описания коллекции № 1688 [Гоцко 1980].

Наличие в фондах МАЭ коллекции № 1688 стало залогом хорошего взаимодействия Д.А. Ольдерогге с немецкими коллегами. Следует упомянуть о заметках и зарисовках, сделанных им в музеях Германии, в частности в Гамбургском музее народоведения. В них зафиксированы аналоги фробениусовской коллекции в МАЭ. Это обстоятельство интересно для истории и коллекции № 1688, и всей отечественной африканистики. Данная коллекция стала знаковой во взаимодействии и культур (мандинги — немцы — русские), и ключевых фигур в своих национальных культурных традициях (Д.А. Ольдерогге — Россия, Л. Фробениус — Германия). К сожалению, зафиксировать воспоминания Д.А. Ольдерогге об обстоятельствах этой работы в документальной форме не удалось.

Возможно, что именно к немецким культурным традициям следует отнести одно из важных достоинств коллекции № 1688 — ее разносторонность в плане отражения различных сфер жизни: бытовой, хозяйственной, культовой. В ней имеются и предметы промыслового, трудового характера (охотничьи снасти, снаряжение, орудия), и символы власти, и магические посредники для взаимодействия с силами природы. Коллекция одновременно не только отражает культуру компактного региона, но и представляет базу для поиска вариантов и подтипов культур, их локальных форм.

Если не возникнет более перспективной модели для типологизации вещей этой коллекции, то возможно остановиться на следующей:

- а) бытовые вещи (одежда, украшения, мебель);
- б) оружие и орудия труда (ножи, гарпуны и т.п.);
- в) предметы магической практики (амулеты, жужжалки, свистки и т.п.);
- г) обрядовые предметы (сабли, трещотки, трубы).

Многие предметы имеют художественную ценность исключительно для уровня отечественных условий:

- а) маски-наголовники «согонин-кун»;
- б) маски и магические предметы «тайного общества» Коре;
- в) замки дверные, выступающие аналогом ближневосточных и североафриканских (магрибских).

Изучение коллекции № 1688 неотделимо от проверки идентификации вещей (в частности, верификации и расшифровки предметных бирок, включенных ныне в предметную опись). В то же время требуются поиски аналогий единиц хранения (в рамках данной коллекции) в других коллекциях МАЭ, в коллекциях других музеев. Как уже отмечалось, такого сравнительного материала в МАЭ имеется вполне достаточно. Это коллекции № 6541, 6707, 6711, 6796, 6855, 7143 и др.

Сочетаемость предметов из коллекции № 1688 с предметами сборов 60–90-х годов XX в. в фондах МАЭ по данному региону обеспечивает диахронный взгляд на вещи, позволяя вскрыть динамику изменений, эволюцию вещного мира (в частности, инвентаря) мандеязычного массива культур Принигерской саванны.

Благодаря коллекции Л. Фробениуса в этой части собрание МАЭ имеет европейское значение. Интерес к ней со всей очевидностью обозначился и в Германии, и во Франции, и в США. Виднейший специалист по художественной традиции бамбара К. Эйзра из Музея Метрополитен (США) включила вещи из коллекции № 1688 в мировой реестр предметов искусства из собрания Л. Фробениуса. Один из

ведущих авторитетов по духовной культуре бамбара Д. Заан, исследуя культ и иконографию антилопы у бамбара, также ссылается на фонды МАЭ [Zahan 1970].

Если принять во внимание, что рано или поздно появится необходимость вновь обратиться к реорганизации постоянной экспозиции отдела этнографии Африки МАЭ (нынешняя экспозиция создана в 2005–2007 гг.), то коллекция Л. Фробениуса могла бы стать одним из краеугольных камней нового образа и нового концептуального оформления зала Африки. Скажем, при выборе модели реэкспозиции в соответствии с принципом показа региональных особенностей африканских культур с их более или менее монографическим охватом коллекция № 1688 могла бы послужить ядром для отображения культурных особенностей суданской культурно-исторической и географической зоны. А в сочетании с последующими коллекциями по региону еще и обеспечить предметный образ динамики трансформаций культур и их вещного наполнения.

Коллекции по бамбара Д.А. Ольдерогге в собрании МАЭ

Выдающийся отечественный африканист, заслуженно признаваемый основоположником научного изучения Африки в нашей стране, Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) внес значительный вклад и в развитие африканистики музейной. Будучи по образованию специалистом по Древнему Египту, по окончании университета он был принят на работу в Музей антропологии и этнографии АН СССР. В 1927–1928 гг. по рекомендации Л.Я. Штернберга командирован в Германию и Голландию для стажировки в области музейной практики по африканским коллекциям, а также осваивать африканские языки. Д.А. Ольдерогге довелось стажироваться в Гамбургском и Берлинском музеях народоведения, учиться у Д. Вестермана и К. Мейнхофа. До сих пор в отделе Африки МАЭ хранятся зарисовки с предметов и из книг, сделанные Д.А. Ольдерогге в ходе этой поездки. Это по-своему бесценный банк данных, созданный им в период, когда любая, а тем более визуальная информация по Африке и музейным собраниям Европы была крайне труднодоступна. К тому же это образы Африки, пропущенные через восприятие самого Д.А. Ольдерогге, несущие отпечаток его личности.

Стажировка в Германии, опыт, приобретенный в зарубежных музеях, а также возрастающая эрудиция Д.А. Ольдерогге, опиравшаяся на высокую культуру, полученную от рождения, позволили ему наладить